

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**«ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В ПОЛИТИКЕ И В КУЛЬТУРЕ».
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОСТОК И ЗАПАД:
ПРИОРИТЕТЫ ЭПОХИ»
(МОСКВА, 19 АПРЕЛЯ 2013 Г.)**

Т.Б. Гвоздева

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

19 апреля 2013 г. на факультете гуманитарных и социальных наук РУДН кафедрой Всеобщей истории была проведена конференция «Восток и Запад: приоритеты эпохи. Олимпийские игры в политике и в культуре».

В конференции приняли участие преподаватели кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, кафедры всеобщей истории РГГУ, кафедры древних языков института лингвистики РГГУ, научные сотрудники ИМЛИ РАН, ИММО РАН, института археологии РАН. Заседание открыл заведующий кафедрой всеобщей истории д.и.н., профессор, С.А. Воронин, который подчеркнул важность Олимпийских игр в современной политической и общественной жизни.

Доклад Т.Б. Гвоздевой (РУДН) «Великие Панафинеи – праздник афинской Архэ» был посвящен Панафинеиским играм, которые были созданы по образцу панэллинских игр, в первую очередь Олимпийских и Пифийских, и одно время претендовали на общегреческое значение. В V в. до н.э. связь олимпийского агона с Афинами постепенно уменьшилась. Афины стали претендовать на политическую и культурную гегемонию в Греции. У них успешно развивался собственный панафинеиский агон, и влияние олимпийцев в общественной жизни Афин существенно снизилось. Великие Панафинеи в эпоху Перикла стали главным государственным праздником Афинского Морского союза. В этот период Панафинеиские игры «приблизились» к статусу панэллинских. Их упоминали в эпиникиях и спортивных эпитаграм-

мах всегда в контексте общегреческих Игр. Панафинеи стали праздником афинской Архэ, символом единства Афин и их союзников. Но в отличие от Олимпийских игр, которые были центром «мирного» объединения всех греков, в панафинеинском празднике был ярко выражен военный акцент, который впоследствии и стал определяющим фактором Великих Панафинеи, помешавшим им до конца обрести статус панэллинских Игр.

В докладе «Оракул Зевса в Олимпии по свидетельствам современников» *Е.В. Приходько* (МГУ) пришла к следующим выводам.

1. Согласно Пиндару, прорицалище Зевса в Олимпии было основано Иамом по повелению Аполлона, который даровал ему «двойное сокровище пророческого дара» – дарование *мантиса*, т.е. способность общаться с миром богов и постигать их откровения, и дарование *профета*, т.е. умения строить диалог с людьми и в доступной для понимания форме возвещать им волю богов. Эллина верили, что этот дар получал по наследству каждый иамид: и служитель Олимпийского оракула, и самостоятельный прорицатель.

2. Святилище Зевса в Олимпии было настоящим прорицалищем, ибо там незримо обитал оракул – *вещий дух места*, посредством которого осуществлялась связь божества и пророка. Первоначально Олимпийский оракул принадлежал Гее, но затем перешел в собственность Зевса. Согласно Страбону, к началу нашей эры сила этого вещего духа угасла, и прорицалище перестало функционировать.

3. Мантисы Иамиды осуществляли свое пророческое служение не в храме, а на сложенном из пепла алтаре Зевса. Там они совершали сожжения жертвенных животных и благодаря своему пророческому дару истолковывали наблюдаемые при этом знаки проникновеннее простых гадателей.

4. В нашем распоряжении есть единственное свидетельство о возвещенном в Олимпии прорицании, и поэтому не представляется возможности составить «Каталог изречений Олимпийского оракула».

5. После гибели оракула мантисы продолжали свое служение, правда, уже не как прорицатели, а как жрецы, заботящиеся об алтаре Зевса.

6. Историю Олимпийского оракула не следует объединять с историей рода Иамидов и рода Клитиадов. Деятельность многих представителей этих родов не была связана со святилищем, которое никогда не посылало своих прорицателей служить в войске или основывать новые колонии.

В докладе *Л.Ю. Герасимовой* «Храм Зевса в Олимпии – квинтэссенция олимпийских идей классической эпохи» (РГГУ) был дан анализ пластического оформления раннеклассического храма Зевса в Олимпии. В нем нашли отражение общегреческие представления эпохи расцвета эллинской цивилизации. Храм Зевса можно назвать квинтэссенцией олимпийских идей того времени. На восточном фронте, обращенном к месту проведения ритуалов и состязаний, были представлены Пелопс и Эномай перед состязанием и Зевс в роли судьи. Эта сцена напоминала о мифической истории святилища и одновре-

менно отражала общегреческие агональные идеалы. На западном фронтоме, обращенном за пределы священного участка, была изображена кентавромахия с Аполлоном. Этот мифологический сюжет имел более явное общегреческое звучание, утверждая победу закона над беззаконием, порядка над хаосом, необходимость следования в межгреческих отношениях определенным нормам. Метопы, посвященные подвигам Геракла, который был образцом для атлетов, иллюстрируют процесс упорядочивания мира через борьбу с чудовищами.

Доклад *Н.А. Налимовой* (МГУ) «Проблема “Зевса Олимпийского”: датировка, реконструкция, программа (современное состояние вопроса)» был посвящен анализу античных текстов о колоссальной хрисозлефантинной статуе Зевса, созданной в V в. до н.э. афинским скульптором Фидием для главного храма олимпийского святилища. Автор отметила, что, несмотря на обилие информации, мало что известно об этом одном из самых знаменитых произведений греческой классической скульптуры. Обстоятельства заказа статуи, точная дата ее создания, реконструкция ее внешнего облика, расшифровка замысла, лежащего в основе всего скульптурного «ансамбля» – эти вопросы по-прежнему остаются дискуссионными. Предложенный *Н.А. Налимовой* обзор существующих на данном этапе мнений и подходов к решению ключевых вопросов, связанных со статуей (проблемы датировки, реконструкции, содержания программы памятника) позволяет оценить современное состояние вопроса. Рассмотрение совокупности визуальных источников, на основе которых может быть реконструирован облик «Зевса Олимпийского», дает почву для интерпретации программы памятника, поисков того смыслового и эмоционального посыла, который был в ней заложен. *Н.А. Налимова* предположила, что в качестве одной из ведущих здесь выступает тема соотношения природы божественной и человеческой, кодифицированная в целую систему мифологических образов, обрамляющих и дополняющих центральный образ «универсального» божества.

Д.В. Бубнов (ЦФИ НИУ ВШЭ) в докладе «Олимпийское посольство Дионисия Старшего и проблема происхождения данных Диодора (XIV.109 и XV.7)» рассмотрел вопрос о происхождении сведений об олимпийском посольстве Дионисия Старшего в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского. В ходе исследования им был выявлен ряд обстоятельств, позволяющих усомниться в обоснованности распространенного представления о зависимости версий рассказа Диодора от данных Тимея и Эфора, а также о надежности Тимеевых свидетельств, связанных с этим посольством. Предполагается, что в основе обоих сообщений Диодора лежит свидетельство Филиста. Этот рассказ Тимей подверг переработке в антитираническом духе и именно в таком виде он был включен в текст XIV книги. Напротив, в XV книге, возможно, сохранился близкий к первоначальной версии Филистова сообщения пересказ Диодора. Кроме того, сомнение вызывает предложенная Тимеем привязка посольства к олимпиаде 388/7 г. до н.э., более вероятной представляется дата 384/3 г. до н.э.

Доклад *Е.В. Булычева* «Награды победителей Игр в древней Аттике и Северном Причерноморье» был основан на данных эпиграфики, содержащих информацию о проведении локальных Игр в Аттике и Северном Причерноморье. Победители локальных состязаний получали награды, подобные тем, которые вручались победителям панэллинских Игр – лавровые венки и почести в виде постановки статуй и исполнения гимнов, прославляющих их заслуги. В ряде случаев победители получали материальные ценности. Так, на празднестве Анакии в Афинах и играх в честь Аполлона и Ахилла в Северном Причерноморье атлеты могли получить в качестве приза расписную вазу или треножник. На Боспоре среди наград часто встречаются повязки – тении, искусно украшенные местными мастерами. В Херсонесе, в Ольвии и Борисфене часто проводились спортивные соревнования при гимнасиях. В честь победителей, как правило, устанавливалась статуя в самом гимнасии, что считалось весьма почетным. Источниками финансирования этих мероприятий могли служить как вклады частных лиц, так и общественные взносы полиса. За поступлением средств на награды победителей тщательно следили должностные лица полиса – архонты, демархи и фратриархи. Булычева Е.В. доказала, что система награждения спортсменов на локальных соревнованиях в Аттике и Северном Причерноморье во многом копирует общие черты, свойственные для вручения призов на панэллинских Играх.

Доклад *С.В. Новикова* (МГУ) «Традиции агонистики и атлетизма в греческих полисах эллинистического Востока» был посвящен анализу немногочисленных свидетельств эпиграфических и археологических данных по указанной проблематике. Все они происходят из трех греческих полисов восточноэллинистического мира – Вавилона, Селевкии-на-Эвлее, Александрии-Оксианы (позже – Евкратидеи). Автор считает, что выявленные свидетельства могут подтвердить предположение о стойком сохранении гражданами в этих отдаленных эллинских городах традиций далекой метрополии. Враждебное внешнее окружение (как политическое, так и этническое) диктовало полисным коллективам необходимость консервации традиций своей бывшей Родины в отношении физической и военной подготовки граждан и формированию своеобразной «защитной реакции» к иноэтничному и инокультурному окружению их реального бытия.

Доклад *В.О. Никишина* (МГУ) ««Спортивное» амплуа августейшего дилетанта: Нерон в роли возницы» был посвящен императору Нерону, который представлял собой в высшей степени трагикомическую фигуру римской истории. С одной стороны – жестокий тиран, поправший остатки гражданской свободы, сластолюбивый деспот, убийца матери, отвратительный в своем цинизме; с другой – император-комедиант, принцепс-кифаред, поклонник искусства и любимец муз. В правление Нерона в Риме осуществилась известная театрализация политической жизни, превратившейся в некое подобие балагана. Однако эта театрализация происходила на фоне эпохальных

перемен в культурной жизни всего римского Средиземноморья. Нерон пытался заложить основы новой, латинско-эллинской, культуры, превратив *res publica Romana* в монархию эллинистического типа. Новая имперская идеология получила в историографии название «неронизм». Эта идеология, в основе которой лежало греческое агональное начало, должна была заменить собой исконно римскую систему ценностей с ее *mos maiorum*, *pietas* и *virtus*. В контексте этих эпохальных перемен в культурной жизни римского Средиземноморья необходимо рассматривать не только «артистические», но и спортивные увлечения Нерона, из которых на первом месте, безусловно, стоит его увлечение конскими ристаниями.

В докладе «Филэллинство в политике императора Адриана» *И.А. Гвоздева* (МГУ) доказала, что именно в имперский период на территории римской государства греческая атлетика наконец получает распространение. Тот факт, что в греческой агонистике статуса героя может достигнуть любой гражданин, не укладывался в привычное и легендарно оформленное представление римлян о героических древнеримских нравах, носителями которых были только патриции. Но в имперский период Рим уже не мог пройти мимо признания гигантского влияния на все Средиземноморье греческих Игр. Императорская власть вынуждена была считаться с тем фактом, что включение агонистики в «общественный спектакль» Рима теперь уже стало служить основной цели римской идеологии – укреплению культа императора. Задачей имперской политики стало умение инкорпорировать греческие Игры разного уровня в визуальную культуру всего Средиземноморья. Греческий стиль праздников, основанных на агонистике, в Риме постепенно стали переделывать в «спектакль» для народа. Император Адриан способствовал преодолению разницы в восприятии агонистики, построив в крупных городах империи стадионы и гипподромы. Объявив себя покровителем Греции, Адриан особое внимание уделял Олимпийским играм. Благодаря ему Олимпия начала заново отстраиваться. Покровительство греческой культуре проявилось в грандиозной строительной деятельности Адриана на Балканах, и в первую очередь в Афинах (например, строительство Олимпейона). Но каждое культурное событие Адриан направлял на службу главной цели своей политики – усиление влияния Рима, распространение римских принципов жизни, укрепление культа императора.

В докладе *И.А. Савченко* (Институт археологии РАН) «На стыке миров, циклов и ритуала: стадионы для игры в мяч у древних майя» речь шла о стадионах для игры в мяч, появившихся в Мезоамерике около сер. II тыс. до н.э., а в области майя в первой половине I тыс. до н.э. *И.А. Савченко* указал на их особое место в качестве символических «медиаторов», находившихся на стыке нашего и подземного мира, дня и ночи, сельскохозяйственных циклов. Стадионы олицетворяли собой две основные оси – север-юг и запад-восток – имевшие для древних майя особое, сакральное значение и заставлявшие последних строить свои города, архитектурные комплексы и даже отдельные

здания в контексте этой конфигурации. Несмотря на то, что в ряде работ высказывались предположения о том, что линия север-юг может быть связана с изменением положения солнца в течение года, эти гипотезы толком не аргументировались. И.А. Савченко сделал предположение о прямой взаимосвязи между ориентацией стадиона с осью так называемых Е-групп в ее символическом и функциональном значении. Им были использованы новые, в первую очередь археологические данные, публикуемые в научной литературе впервые с согласия директора археологического проекта Накума Я. Жрауки.

В докладе *Е.В. Новоселовой* (МГУ) «Спортивные состязания как элемент ритуала в традициях инкской и мочикской культур» рассматривались спортивные состязания Андской цивилизации, в частности, инкской и мочикской культур на материале испаноязычных колониальных хроник и иконографии мочикских сосудов. Проанализировав спортивные состязания (в частности, «игру в бадминтон» и ритуальный бег у мочика и спортивные соревнования в рамках обрядов инициации у инков), нашедших отражение в вышеназванных источниках, автор пришла к выводу об их тесной связи с ритуалом и подчиненном положении по отношению к нему. Это объясняется, с одной стороны, некоторой архаичностью инкского государства (которое, в свою очередь, было вершиной развития Андской цивилизации), а с другой стороны тем, что оно по своей структуре и характеру не располагало к возникновению самостоятельной сферы досуга.

М.Ф. Надъярных (ИМЛИ РАН) в докладе «Античные маски бразильского спорта» отметила, что спорт пришел в Бразилию как сугубо современный и поначалу сугубо элитарный вид досуга во второй половине XIX в. В согласии с общей программой обустройства национальной культурной идентичности того времени спорт осознавался в качестве объекта «культурного импорта» и изначально наделялся специфической цивилизационной функцией. В хрониках рубежа веков (О. Билак, Э. Коэльо Нето и др.) античный код особым образом сопрягает современность и традицию в пограничном пространстве пересекающихся смыслов «своего» и «чужого». Античная призма видения/воссоздания спорта непрерываемо соотносится с идеей классики и с атрибутами культуры, с построением системы социально ценностных ориентиров (жертвенность, гражданственность, забвение себя ради коллектива и т.д.). Античная перспектива существенно мифологизирует спорт, переносит конкретные спортивные практики на уровень неких спортивно-игровых универсалий. В XX в. античное «обрамление» спорта соотносится с кардинальной трансформацией символически ценностных самоидентификационных ориентиров, в том числе с апологией архаики. Так (в антропологической концепции Ж. Фрейре) становление «бразильского стиля» в футболе сопрягается с восхождением к архаическому синкретизму: идеальный спорт, понимаемый как игра, заново рождается из «бессловесного» танца, из чистого движения свободного тела.

А.В. Хорошева (МГУ) в докладе «Олимпийская идея Пьера де Кубертена и советский спорт в 20–30-е гг. XX в.» показала, что модель соревнова-

ний, популяризированная Пьером де Кубертенем, была основана на принципе соединения различных видов спорта в единое мероприятие, увлекающее зрителя как самими соревнованиями, так и празднествами вокруг них. В 1928 г. в Москве была проведена Спартакиада, организаторы которой за основу взяли именно эту модель, противопоставив свои игры как «буржуазным», так и Рабочим Олимпиадам. Гибкость Пьера де Кубертена, терпимость к национальным особенностям стали залогом долгого и успешного существования Олимпиад, не всегда остававшихся вне политики, но все-таки оказавшихся более устойчивыми, чем их конкуренты – Рабочие Олимпиады и Спартакиада, организаторы которых во главу угла поставили классовый подход. Несмотря на то, что их организаторы преследовали вполне конкретные политические цели, единение трудящихся под различными политическими лозунгами и достижение посредством тренировок хорошей физической формы как залога успешной борьбы со старым миром и строительства нового, альтернативные игры объективно способствовали развитию спорта и демократизации Олимпийских игр, возрожденных в конце XIX в.

Э.Г. Соловьев (ИМЭМО РАН) в докладе «Олимпийское движение и проблемы проекции “мягкой силы” в современной мировой политике» отметил, что в последнее время уделяется большое внимание и идут весомые средства на «формирование имиджа» России. Руководство страны заговорило о необходимости больше внимания уделять «мягкой силе» и проекции российской «мягкой силы» за рубежами страны. Но «мягкая сила» выступает производной от силы «жесткой», т.е. от реальных достижений страны в экономике, от инновационных методов развития, от успехов в сфере развития техники и технологий. Кроме того, на Олимпийских играх проекция влияния той или иной страны невозможна без спортивных успехов. Современная Россия не может пока похвастаться особыми достижениями как в развитии общества и экономики, так и на спортивных аренах. Для того чтобы проекция «мягкой силы» в связи с сочинской Олимпиадой оказалась успешной, следует нарастить потенциал собственной «жесткой силы».

**«THE OLYMPIC GAMES IN POLITICS AND CULTURE»
ACADEMIC CONFERENCE «THE OCCIDENT AND THE ORIENT:
PRIORITIES OF THE AGE»
(Moscow, 19 Aprils, 2013)**

T.B. Gvozdeva

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198